

Рон Элайша

МЮНХЕН,
или
Джентльмен с зонтиком

Пьеса в двух актах

Перевод и адаптация Ольги Варшавер

© Ron Elisha, 2022

© Ольга Варшавер, 2026 (перевод и адаптация)

«Мюнхен» — не историческая драма. Это предупреждение, написанное кровью XX века и адресованное нам.

Первый акт относится к концу сентября 1938 года. Накануне подписания Мюнхенского соглашения усталый и больной глава британского кабинета Невилл Чемберлен пытается сохранить лицо, приличествующее премьеру великой державы, и одновременно спасти мир от новой бойни. Вместе с женой Анной он в гостиничном номере репетирует разговор с Гитлером — в надежде, что дипломатия умиротворения остановит войну.

Второй акт переносит нас в ноябрьский Лондон 1940 года. На город падают бомбы. Чемберлен при смерти. Ему является «гость» — Адольф Гитлер. Лживый и наглый. Он предлагает сделку: ещё одна уступка, ещё одна подпись, ещё одна чужая территория — и война закончится. Чемберлену остаётся только решить: готов ли он заплатить за «мир» достоинством, душой и собственной жизнью...

Действующие лица:

НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН, премьер Великобритании, сначала действующий, затем бывший

АННА ЧЕМБЕРЛЕН, его жена

ХОСКИНС, его шофер

ГИТЛЕР, рейхсканцлер Германии

(двух последних персонажей играет один актер)

Акт первый:

Номер в гостинице «Регина Паласт», Мюнхен.

Утро, 29 сентября 1938 года.

Акт второй:

Гостиная в резиденции Чемберленов, Лондон.

Ночь, 9 ноября 1940 года.

АКТ ПЕРВЫЙ

Темнота.

*Музыка: третья часть «Немецкого реквиема» Брамса,
простая, печальная, с оттенком дурного предчувствия.*

Разгорается тусклый свет.

*НЕВИЛЛ — в белой рубашке и носках, но без брюк — стоит лицом к залу
перед невидимым зеркалом,
и безуспешно пытается укротить свои волосы, зачёсывая их набок.*

Когда он заговорит, тон будет властным, уверенным и несколько отстранённым.

*Даже если его снедают сомнение или страх,
он словно бы наблюдает эти чувства у кого-то, а не переживает их сам.*

Входит АННА с букетом цветов.

Стряхивает капли дождя с пальто, снимает, вешает на вешалку.

АННА. Еле успела. Вот-вот хляби разверзнутся.

НЕВИЛЛ. Где ты была?

АННА. Так, прогулялась. Заодно вот — ирисы купила. У нас в саду, конечно, лучше, но надо эту гостиницу как-то... оживить.

НЕВИЛЛ. (с лёгкой обидой) Я бы тоже не прочь прогуляться.

АННА. Слишком долго собираешься, дорогой.

НЕВИЛЛ. А зонтик почему не взяла?

АННА. Не рассчитывала на дождь.

НЕВИЛЛ. Милая, мы же англичане! Помнишь нашу притказку?

АННА и НЕВИЛЛ. (хором) Сухой зонтик ещё никому не помешал.

АННА. Ну, забыла, бывает. (удивленно) Боже — что это?

НЕВИЛЛ. У другой рубашки пуговица оторвалась.

АННА. Нет, я про музыку.

НЕВИЛЛ. Гмм... Брамс, кажется.

АННА. Могли бы подложить нам пластинку с британским композитором. Интересно, они слышали об Элгаре? *(подходит к патефону, поднимает иглу)*

НЕВИЛЛ. А мне показалось, неплохо. У Брамса есть... какая-то мелодичная грусть, не находишь?

АННА. Нахожу. Домашнюю черепашку под эту музыку хоронить. *(роется в стопке пластинок)* Тебе для настроения нужно что-то поэнергичнее.

НЕВИЛЛ. *(разглядывая себя в «зеркале»)* Постричься мне нужно — это точно. Порыв ветра — и все старания насмарку.

АННА. Не понимаю, зачем ты мудришь с этим зачёсом. Прикрыть плешь?

НЕВИЛЛ. *(обиженно)* Тебе не нравится моя причёска?

АННА. Раньше нравилась.

Прошедшее время в ответе АННЫ коробит обоих.

НЕВИЛЛ. Кстати, Гитлер тоже зачёсывает волосы набок.

АННА. Думаю, у него нет плеши. Просто образ себе такой выдумал.

НЕВИЛЛ воспринимает слова АННЫ болезненно, хмурится.

Пауза.

НЕВИЛЛ. Противное место.

АННА. Ужасное! Терпеть не могу гостиницы, где сплошной бархат и плюш. *(ищет вазу, чтобы поставить цветы)* Даже вазы в номере нет.

НЕВИЛЛ. Я в целом про Мюнхен. Какой-то угрюмый город.

АННА. Да, Мюнхен мрачноват.

НЕВИЛЛ. Странное ощущение... Как в ночном кошмаре: что-то неуловимо знакомое, опасное. Словно я это уже видел, но — где?.. Западня какая-то...

АННА. *(вглядывается в его лицо)* Ты в порядке, Невилл?

НЕВИЛЛ. Селёдка за завтраком была... слегка странной на вкус.

- АННА. За границей всё кажется странным. В этом есть своя прелесть.
- НЕВИЛЛ. По-моему, селёдка протухла.
- АННА. Зачем же ты её съел?
- НЕВИЛЛ. Ну, как-то невежливо отказываться.
- АННА. Ты в своем уме?! «Премьер-министр Чемберлен отравился в день важнейших переговоров». Из вежливости!
- НЕВИЛЛ. Я всегда считал, что в переговорах главное — не торопиться, не мелочиться, общаться доброжелательно. Чтобы противник не счел, что его к чему-то принуждают, чтобы принял решение сам — из чувства долга и благодарности.
- АННА. Всё это замечательно, но где дипломатия, а где тухлая селёдка?.. Что наденешь?
- НЕВИЛЛ. Встреча без четверти час. Полагаю, будут кормить. Значит — костюм?
- АННА. По идее — да. Но вдруг в Германии принято обедать в набедренной повязке?
- НЕВИЛЛ. *(ему не до шуток)* Я бы надел костюм, да брюки тесноваты. Особенно если рассчитывать на плотный обед. С другой стороны, смокинг днём? Не слишком ли официально?
- АННА. Твой камердинер не умеет собирать вещи.
- НЕВИЛЛ. У него не было времени. Всё произошло чертовски быстро...
- АННА. Интересно, мистер Гитлер снова напялит эту дурацкую форму?
- НЕВИЛЛ. Он в ней вполне элегантен. По-своему, по-тевтонски.
- АННА. Ну серьёзно! Рейтузы? Кто носит рейтузы? Одежда для кентавров.
- НЕВИЛЛ. Или для немцев. *(оба смеются; у него смех — долгий, похрюкивающий)* И всё же форма снимает все вопросы. Сразу ясно, с кем имеешь дело.
- АННА. Мы гардероб обсуждаем или уже на политику перешли?
- НЕВИЛЛ. Полагаю, Муссолини тоже будет в форме.
- АННА. Она же на нём по швам трещит!
- НЕВИЛЛ. *(позируя перед «зеркалом»)* Может, тоже завести рейтузы? Мне пойдет?
- АННА. Ох, Невилл — надень уже брюки. Тебе сразу полегчает.

*НЕВИЛЛ снова возится со своим зачёсом.
Звонит телефон.*

НЕВИЛЛ. Дорогая, возьми трубку?

АННА. Охотно. Поупражняюсь в немецком. *(снимает трубку)* Guten Morgen. Frau Chamberlain sprechen. Wie kann ich Ihnen helfen? *(смущённо, НЕВИЛЛУ)* Э-э... Он мне отвечает по-немецки. Что сказать?

НЕВИЛЛ. *(с усмешкой)* Кто-то хотел поупражняться...

АННА. *(в трубку)* Э-эм... Ich darf Fragen, wer anruft?... *(НЕВИЛЛУ)* Хотят соединить тебя с Галифаксом.

НЕВИЛЛ. *(с некоторым раздражением)* Что ему надо?

АННА. *(в трубку)* Ich nehme den Anruf, ja. Vielen Dank... *(любезно)* Эдвард? Как вы?.. Да, всё в порядке. Погода прохладная... у нас в конце сентября потеплее, но... Да. Да, конечно... *(прикрывает трубку рукой и поворачивается к НЕВИЛЛУ, который энергично мотает головой; продолжает в трубку)* Боюсь, Невилл не может подойти к телефону. Что-нибудь передать?.. Да... Да... Минуту. *(прикрыв ладонью трубку, НЕВИЛЛУ)* Он хочет знать, успел ли ты прочитать его памятку.

НЕВИЛЛ. Вот зануда! Конечно, прочитал.

АННА. *(в трубку)* Эдвард, вы здесь?.. Невилл вам искренне благодарен. За всё, что вы сделали... Да — очень содержательно, спасибо... Будем держать вас в курсе... Спасибо, что позвонили... И вам. Спасибо. *(кладёт трубку)*

НЕВИЛЛ. Нахал. Думает, я не справлюсь с Гитлером без его ценных памяток? *(слышит стук в дверь)* Если это горничная, скажи, что в ванной не открывается форточка.

АННА. *(громко)* Войдите. Открыто.

*Входит ХОСКИНС в форме, с перчатками в руках,
снимает фуражку и зажимает её под мышкой.*

ХОСКИНС. Прошу прощения, мэм. Хотел только сказать, что машина готова.

НЕВИЛЛ. *(не оборачиваясь)* Это вы, Хоскинс?

ХОСКИНС. Да, мистер премьер-министр, сэр.

НЕВИЛЛ. Надеюсь, всё в порядке?

ХОСКИНС. Не совсем, сэр, нет, сэр.

НЕВИЛЛ. В чём проблема?

ХОСКИНС. Это не «бентли», сэр.

НЕВИЛЛ. Роллс?

ХОСКИНС. Вообще-то, сэр, это «фольксваген», сэр.

НЕВИЛЛ. Что?

ХОСКИНС. Это автомобиль, сэр, его сконструировал сам рейхсканцлер, сэр.

НЕВИЛЛ. *(перебивая)* Нет-нет-нет. Это никуда не годится. Потребуйте, чтобы дали «бентли». *(себе под нос)* «Фольксваген»! Нахальство!

ХОСКИНС. Слушаюсь, сэр. *(чопорный полупоклон; хочет уйти, но замечает что-то на рукаве АННЫ)* Прошу прощения, мэм — у вас что-то на рукаве. Не шевелитесь, я сейчас. *(натягивает перчатки и готовится прихлопнуть — предположительно насекомое)*

АННА. Боже! Бабочка! *(останавливает его удар)* Невилл, сюда! Быстрее.

НЕВИЛЛ. *(подходит, вглядывается)* Господи, неужели?!.. Это...

НЕВИЛЛ и АННА. *(вместе)* ... *Pabulatrix pabulatricula*...

АННА. Совка пастушья! У нас в Англии они вымерли!

НЕВИЛЛ. Невероятно! Хоскинс, спички есть?

ХОСКИНС достаёт коробок спичек, зажигает спичку.

НЕВИЛЛ морщится, задувает спичку.

НЕВИЛЛ. Дайте коробок! Коробок! *(забирает коробок, высыпает спички, кладёт выдвижную часть коробка на бабочку, закрывает)*

АННА. Отлично!

НЕВИЛЛ. Хоскинс, сделайте в крышке дырочки и берегите эту совку как зеницу ока. И не забудьте про «бентли».

ХОСКИНС. (щёлкавая каблуками) Слушаюсь, сэр. (уходит)

АННА. Надо же, какая находка!

НЕВИЛЛ. В городе! В помещении!

АННА. Добрый знак. В отличие от «фольксвагена».

НЕВИЛЛ. Ишь Гитлер додумался! Автомобиль он сконструировал! Мастер на все руки.

НЕВИЛЛ и АННА смеются.

АННА. Впрочем, он не лишен обаяния.

НЕВИЛЛ. Черчилль о нём высокого мнения. Он считает, что Гитлер из тех, кто приходит к власти самыми ужасными средствами, но потом совершает великие дела.

АННА. Черчилль прагматик, но даже у прагматизма есть пределы.

НЕВИЛЛ. Он ведь наполовину безумен.

АННА. Черчилль?

НЕВИЛЛ. Гитлер.

АННА. Бедный ты мой. Справишься с наполовину-безумцем?

НЕВИЛЛ. Бояться надо его разумной половины.

АННА. Кстати! Прекрасная половина у него есть? (заметив, что НЕВИЛЛ не понял вопроса) Жена у него есть? Миссис Гитлер?

НЕВИЛЛ. Вроде нет.

АННА. Ему явно не хватает женской руки. Одевается скверно.

НЕВИЛЛ. Анни, это просто форма, военная форма.

АННА. По-моему, главам государств не стоит носить форму. Пахнет войной. (поворачивается к НЕВИЛЛУ, который снова смотрит на себя в «зеркало») Невилл, поторопись. Ты уже опаздываешь.

НЕВИЛЛ. А у тебя на сегодня какие планы?

АННА. В музей схожу. Приобщусь к немецкой культуре. И надо купить пальто. Похоже, зима будет долгой. *(замечает, что муж всё ещё смотрится в «зеркало»)*
Невилл, что с тобой?

НЕВИЛЛ. Не знаю. Странное чувство. Сначала думал — из-за перелёта. Потом — грешил на слабительное, я на ночь принял. Потом — на селёдку. Но дело не в этом.

АННА. В чём же?

НЕВИЛЛ. Вдруг опять война?

АННА. Милый, ты здесь ровно для того, чтобы ее предотвратить.

НЕВИЛЛ. А вдруг не смогу?

АННА. Сможешь. Европа только-только вылезла из окопов, и никто не готов туда возвращаться. Мы все в одной лодке.

НЕВИЛЛ. Вопрос в том, кто и куда эту лодку качнёт.

АННА. Уверю тебя: войны не хочет никто. В том числе Гитлер.

НЕВИЛЛ. Поэтому он стягивает войска к чешской границе?

АННА. Блефует.

НЕВИЛЛ. Но если столкнуться с ним лоб в лоб, он решит, что выбора нет. И начнет войну. Иначе его не простит собственный народ.

АННА. Сомневаюсь, что простые немцы могут на что-то повлиять.

НЕВИЛЛ. Мне видится, что наш единственный шанс — пожертвовать Чехословакией. Выиграть время. Потому что нам не победить.

АННА. Почему?

НЕВИЛЛ. Мы не готовы.

АННА. А он?

НЕВИЛЛ. Пойми, войны теперь ведутся не на земле. И не на море. Только в воздухе. Но у нас нет авиации и зениток — раз-два и обчелся. Гитлер рассчитывает на короткую, стремительную победу. А нам нужно затянуть войну и накопить силы.

АННА. Разве, пока мы будем копить, Германия не уйдёт ещё дальше вперёд?

НЕВИЛЛ. Несомненно уйдёт. Однако есть огромная разница между отсутствием обороны и её наличием.

АННА. Невилл, мы не одни! Есть Франция, есть Сталин...

НЕВИЛЛ. Забудь. Россия не участвует в наших планах — ни сейчас, ни в обозримом будущем. Что касается Франции... Скажем так, Наполеон давно умер. И это заметно.

АННА. Америка?

НЕВИЛЛ. Америка вступит в войну, только если подвергнется прямому нападению. А у нас перед Америкой долг на полтора миллиарда — еще за прошлую войну не расплатились...

АННА. То есть Британия, в сущности, одна против Германии, Италии и Японии?

НЕВИЛЛ. Поэтому я и приехал в Мюнхен.

АННА. Значит, у нас нет выбора? Только договариваться? И к чёрту Чехословакию?

НЕВИЛЛ. Хоть один британец готов отдать жизнь за чехов? Или канадец, или даже австралиец? Я таких не встречал.

АННА. С какой стати они должны воевать за чехов?

НЕВИЛЛ. Действительно, с какой стати?.. Значит, я правильно поступаю? Да?

АННА. Похоже, ничего «правильного» уже нет, потому что есть Гитлер. Сам сказал: если с ним «лоб в лоб», войны не избежать. Но если ему уступить...

НЕВИЛЛ. Ее тоже не избежать. *(пауза)* Апокалипсис... *(пауза)* Надеюсь, он сегодня в спокойном настроении. Говорят, по-разному бывает.

АННА. Может, мне с тобой поехать? Он не посмеет плохо себя вести в присутствии дамы.

НЕВИЛЛ. А знаешь... Помоги мне иначе. Ты можешь побыть Гитлером.

АННА. Что?

НЕВИЛЛ. *(берет её за руки)* Побудь Гитлером.

АННА. *(со смехом)* Что значит «побудь Гитлером»?

НЕВИЛЛ. Я буду собой, а ты Гитлером. Садимся за стол. Репетируем.

АННА. Что-то мне не хочется быть Гитлером.

НЕВИЛЛ. Кто говорил, что он не лишен обаяния?

АННА. Я никогда не доверяла обаятельным мужчинам... А Гитлер на самом деле невыносим!

НЕВИЛЛ. *(смеется)* Ты тоже. Порой.

АННА. Ладно. Что должен делать Гитлер?

НЕВИЛЛ. Ну... Я уже у дверей...

НЕВИЛЛ показывает, чтобы АННА вступила в игру.

АННА. *(протягивая руку)* Герр Чемберлен.

НЕВИЛЛ. Подожди. *(прочищает горло, проводит рукой по волосам и принимает позу)* Начинай.

АННА. *(чопорно кланяясь)* Добро пожаловать, герр Чемберлен. Надеюсь, вам снились хорошие сны? *(щёлкает каблуками)*

НЕВИЛЛ. *(после некоторого колебания пожимает ей руку)* Да, спасибо.

АННА. Сигару?

НЕВИЛЛ. Нет, спасибо.

АННА жестом приглашает НЕВИЛЛА сесть, садится сама.

АННА. Мне их привозят с Кубы.

НЕВИЛЛ. Отложим сигару на после обеда.

АННА. Всему своё время, не так ли, герр Чемберлен? Хорошо ли вас разместили?

НЕВИЛЛ. О, да, прекрасная гостиница.

АННА. Я сам выбирал для вас пластинки.

НЕВИЛЛ. У вас хороший музыкальный вкус.

АННА. Я никогда не был поклонником... как бы это сказать... незначительных или претенциозных композиторов, вроде вашего Элгара. Эта музыка не по мне.

НЕВИЛЛ. Как у вас говорится? Jedem das Seine?

АННА. Невилл, стоп. Ты идешь у него на поводу. Гитлер дал тебе кучу возможностей перехватить инициативу, а ты ни одной не воспользовался.

НЕВИЛЛ. Что значит «перехватить инициативу»?

АННА. Он спросил: «Надеюсь, вам снились хорошие сны?». Почему ты не ответил: «Сны для мечтателей. Важно, что мы делаем наяву». Видишь разницу?

НЕВИЛЛ. Помилуй! Мы обменивались любезностями, а не афоризмами.

АННА. Невилл, не поддавайся Гитлеру!

НЕВИЛЛ. Да я только вошёл! Мы только фигуры на доске расставляем!

АННА. Пока он расставляет пешки, сделай ход конём. Что тебе мешает? Давай ещё раз, хорошо? Музыка вашего Элгара не по мне...

НЕВИЛЛ. Со всем уважением, канцлер, но возможно, вы мало слышали Элгара.

АННА. По-вашему, я невежа, герр Чемберлен? Мне не хватает светских манер? Мне не хватает культуры?!

НЕВИЛЛ. О, нет — я совсем не...

АННА. *(постепенно повышает тон и громкость, подражая стилю Гитлера)*
Мы, немцы, изобрели культуру! Вашего Элгара или любого другого английского содомита через тысячу лет никто и не вспомнит! А Бах, Бетховен, Вагнер — голоса вечности. Когда всё остальное будет забыто, когда Британская империя будет лежать в руинах, когда гнусная еврейская декадентщина, всякие Мендельсоны и Малеры больше не будут оскорблять тевтонский слух, когда Гёте навсегда победит Шекспира, а Шиллер станцует на могиле Байрона, чистый, ясный голос арийской культуры будет по-прежнему звучать, возвышаясь над пеплом британского разврата!

*Под конец монолога АННА нависает над перепуганным НЕВИЛЛОМ
и брызжет слюной ему в лицо.*

НЕВИЛЛ моргает, затем глубоко вздыхает.

НЕВИЛЛ. Неудачная репетиция. Мне не помогает.

АННА. *(возвращаясь к своему обычному голосу)* Это была твоя идея, дорогой.

НЕВИЛЛ. Я не просил тебя читать антисемитскую лекцию.

АННА. Ты попросил меня быть Гитлером.

НЕВИЛЛ. Дело не в этом. Сама же знаешь, я не люблю такой стиль.

АННА. Какой?

НЕВИЛЛ. Грубость. Конфронтацию. Злобу. Так нельзя вести переговоры.

АННА. Тогда не поддавайся. Гитлер всех запугивает. Сопровивляйся.

НЕВИЛЛ. *(с досадой)* Я такой, какой есть, Анна.

АННОЙ овладевает внезапный материнский порыв.

АННА. Невилл... *(берёт его лицо в ладони и смотрит ему в глаза)* Я на твоей стороне. И всегда буду. Потому что ты всегда стараешься поступать правильно. Я просто не хочу, чтобы тебе было больно.

НЕВИЛЛ. Помнишь Нормана? Моего чудесного кузена? Он так и остался в окопах Первой мировой. Мы не можем допустить всё это снова. Просто. Не. Можем.

АННА. Не можем.

НЕВИЛЛ. *(глубокий вздох)* Проклятые чехи. Они же не настоящая страна. Они — ошибка. Порождение Версальского договора. Который сам был порождением ужасной ошибки. Пусть они уже смиряются с неизбежным. Так было бы проще для всех.

АННА. Хочешь, я пришью пуговицу на другую рубашку? *(пауза)* Невилл?

НЕВИЛЛ. Каким меня запомнят?

АННА. Ты пока не умер, дорогой.

НЕВИЛЛ. И все же: кем я останусь в людской памяти?

АННА. Дорогой, трепет перед историей — пустая затея. Мы это уже обсуждали.

НЕВИЛЛ. Хорошо, забудем. А ты? Чего ты ожидала, когда выходила замуж?

АННА. Невилл, ты меня в краску вгоняешь.

НЕВИЛЛ. Анни, когда ты взяла фамилию Чемберлен, ты делала определённые... предположения. О прошлом. О будущем. Ведь это не просто фамилия, это род с историей. Фамилия, за которой всегда стояли правда, честь, храбрость... Но сегодняшняя встреча может всё изменить. Вдруг тебе будет за меня стыдно?

АННА. Невилл, ради бога, не нагнетай. Ты едешь на переговоры с немецким канцлером. Канцлер — от слова «канцелярия». Гитлер — чиновник. Бюрократ.

НЕВИЛЛ. Да, ты права.

АННА. Он тебя одурачил? Ты поверил, что он политик?

НЕВИЛЛ. Насчет Гитлера у меня нет иллюзий. Он амбициозен, и он немец — это уже опасное сочетание. *(пауза)* А я не в том положении, чтобы его принуждать.

АННА. *(задумчиво)* Пожалуй, побудь-ка ты Гитлером. *(в ответ на его удивление)* Полезнее предсказывать, что скажет он, а не что ответишь ты.

НЕВИЛЛ. *(после паузы)* Думаешь, я трус?

АННА. Невилл, что с тобой?

НЕВИЛЛ. Черчилль считает меня трусом. Не говорит этого прямым текстом, но я чувствую.

АННА. Уинстон очень хорошо к тебе относится. Ты единственный в правительстве, кто вообще что-то делает.

НЕВИЛЛ. Хорошо относится? Кто сказал?

АННА. Забудь о Черчилле. Забудь обо всех. Только ты и мистер Гитлер.

НЕВИЛЛ. *(с глубоким вздохом)* Хорошо, попробуем... *(с плохим немецким акцентом)* Герр Чемберлен? Не желаете сигару?

АННА. Нам точно нужен этот акцент?

НЕВИЛЛ. Тебе всегда нравилось, как я передразниваю Гитлера.

АННА. Сейчас не до кривляний.

НЕВИЛЛ. Как скажешь... *(без акцента)* Герр Чемберлен? Хотите сигару?

АННА. Я хочу только одного — Британскую империю.

НЕВИЛЛ. *(растерявшись)* Но... я предлагаю сигары.

АННА. Они британские?

НЕВИЛЛ. Э-э... Кубинские.

АННА. Куба — не часть Империи. Не интересует. Курить вообще вредно.

НЕВИЛЛ. А... э-э... может, виски?

АННА. Виски — шотландский напиток. Шотландия часть Империи. Но пить пока не за что.

НЕВИЛЛ. Тогда, возможно, нам стоит начать.

АННА. Какие ощущения?

НЕВИЛЛ. Прошу прощения, герр Чемберлен?

АННА. Это я от себя. Интересно, что почувствует Гитлер, когда Чемберлен откажется от сигары и виски.

НЕВИЛЛ. Да никто тут ничего не чувствует!

АННА. И это в корне неверно. Ты очень закрыт, Невилл. Всё строго по делу. Так Гитлера не обаять.

НЕВИЛЛ. Анна, я не женюсь на Гитлере! Я пытаюсь остановить его вторжение в Чехословакию.

АННА. Тут есть сходство. Хочешь, чтобы он поступил, как тебе нужно? Он скорее это сделает, если проникнется к тебе симпатией.

НЕВИЛЛ. Или если будет меня бояться.

АННА. Прости, Невилл, но ты совсем не страшный.

НЕВИЛЛ. Речь не обо мне лично, а о Британской империи. Упорство английского бульдога. Непреклонность Британии.

АННА. Думаешь, он усмотрит всё это в тебе? Пиджак тесноват и волосы дыбом.

НЕВИЛЛ. *(отворачивается и смотрит в «окно»)* Как думаешь — бывает предчувствие собственной смерти?

АННА. Это всё их Брамс виноват.

НЕВИЛЛ. Меня не покидает ощущение, что должно произойти что-то ужасное.

АННА. *(на миг задумывается)* Чего ты хочешь добиться от Гитлера?

НЕВИЛЛ. Гарантий, что он не втянет Европу и Англию в войну.

АННА. Ты говорил, Муссолини привёз проект? В нем есть такие гарантии?

НЕВИЛЛ. В явном виде — нет.

АННА. Если это проект Муссолини, нам сейчас нужен кто-то, кто мыслит, как Муссолини. Сын кузнеца. Просто. Прямолинейно. Незамысловато... Нам нужен Муссолини.

На этих словах входит ХОСКИНС с перчатками в руках и фуражкой под мышкой.

ХОСКИНС. Прошу прощения, мэм. Мистер премьер-министр, сэр, кажется, мы нашли «бентли»... *(замечает, что АННА смотрит на него оценивающе, и оглядывает себя, ища непорядок)* Что-то не так, мэм?

АННА. Хоскинс...

ХОСКИНС. Да, мэм.

НЕВИЛЛ. Анна, пожалуйста, уймись.

АННА. Почему нет? По-моему, Хоскинс прекрасно подходит на роль Муссолини. Он видит бабочку и пытается её убить. Инстинктивно.

НЕВИЛЛ. Инстинктивно убить? Тогда он Гитлер, а не Муссолини. *(ХОСКИНСУ)* Через сколько будет машина?

ХОСКИНС. Через пятнадцать минут, сэр.

НЕВИЛЛ. Отлично. Идите.

ХОСКИНС. Слушаюсь, сэр. *(слегка кланяется, надевает фуражку, уходит)*

НЕВИЛЛ. Неужели ты всерьёз...

АННА. *(расхохотавшись)* Дорогой, ты бы себя сейчас видел! Бесценно!

НЕВИЛЛ. Мне не до шуток.

АННА. Послушай... насчет гарантий... Попробуй встретиться с Гитлером один на один. Допустим, завтра с утра?

НЕВИЛЛ. Неформальная встреча?

АННА. Именно.

НЕВИЛЛ. И что я ему скажу? Есть что-то, чего он ещё не слышал?

АННА. Потребуй гарантий. В письменном виде.

НЕВИЛЛ. А если он меня не примет? Выйдет довольно неловко.

АННА. Примет.

НЕВИЛЛ А как же французы? Даладье обидится. Сочтет меня предателем.

АННА. Если ты выйдешь с подписанным документом? С гарантией мира в Европе?

НЕВИЛЛ. А если Гитлер не подпишет?

АННА. Тут важны формулировки, надо взвесить каждое слово. Нельзя дать ему повод не подписывать.

НЕВИЛЛ. А что он будет подписывать? У меня нет такого документа.

АННА Давай придумаем. *(протягивает ему ручку)*

НЕВИЛЛ Что — сейчас?

АННА Позже у тебя не будет времени: сегодня целый день переговоры, потом ужин. Сам знаешь — всё это обычно затягивается. Давай сейчас. *(видит, что он замер, глядя на ручку)* Ну?

НЕВИЛЛ Прости, но это как-то нелепо.

АННА Невилл, тебе нужно вернуться в Лондон с чем-то конкретным, определенным. Осязаемым.

НЕВИЛЛ *(вздыхает)* Попробую договориться об отдельной встрече...

АННА Невилл, надо заставить Гитлера врасплох. Дашь ему хоть полшанса на размышления, он найдёт отговорку. Нам нужно мыслить решительно, как... как люди в рейтузах. Садись. Сейчас напишем. Пары минут хватит.

НЕВИЛЛ вздыхает и садится за маленький письменный стол.

АННА подаёт ему ручку.

НЕВИЛЛ Может, позвонить Галифаксу? Все-таки он министр иностранных дел...

АННА Невилл, такой шанс бывает раз в жизни. Покажи, что ты сам тореадор, что умеешь брать быка за рога. *(кладёт перед НЕВИЛЛОМ лист бумаги из небольшой стопки на столе)* Вот. Судьба мира с логотипом гостиницы «Регина Паласт».

НЕВИЛЛ. Ну, допустим... «Я, Адольф Гитлер, канцлер Германии, настоящим даю своё решительное обещание...» *(видя, что АННА поморщилась)* Что? По-твоему, «решительное обещание» звучит недостаточно решительно? Может, «клянусь»?

АННА. А что он получает взамен?

НЕВИЛЛ. Чехословакию.

АННА. Она и так у него будет. К утру.

НЕВИЛЛ. Ну, то формальный договор. А это скорее жест. Жест доброй воли с его стороны.

АННА. «Клянусь...» Как ты хочешь дальше?

НЕВИЛЛ. «...сделать всё возможное для обеспечения мира в Европе и ни при каких обстоятельствах не предпринимать действий, которые могли бы привести к развязыванию вооружённого конфликта».

АННА. Звучит как Версальский договор, один в один. Он такое не подпишет. Может, лучше от вас обоих? Что-то вроде... «Мы, премьер-министр Великобритании и канцлер Германии...»

НЕВИЛЛ. Его не обидит, что я упомянут первым?

АННА. Поставим наоборот.

НЕВИЛЛ. Да. Думаю, так будет разумнее.

АННА. Хорошо. «Мы, канцлер Германии и премьер-министр Великобритании...»

НЕВИЛЛ. Канцлер или фюрер?

АННА. Думаю, канцлер. Ну или рейхсканцлер.

НЕВИЛЛ. Мне дали понять, что он предпочитает «фюрер».

АННА. Это реальный титул или его тщеславие?

НЕВИЛЛ. Думаю, и то, и другое. Но документ неофициальный. И мы не хотим его обидеть. Чтобы не дать ему те самые полшанса...

АННА. Хорошо, пусть будет фюрер. «Мы, фюрер Германии и премьер-министр Великобритании...»

НЕВИЛЛ. С другой стороны, он разом и фюрер, и канцлер. Не думаю, что эти термины взаимозаменяемы.

АННА. (со вздохом) Невилл, не усложняй.

НЕВИЛЛ. Это называется дипломатия, дорогая.

АННА. Хорошо. «Мы, фюрер и канцлер Германии и...» Язык отсохнет все это произносить!

НЕВИЛЛ. Наша цель — умиротворение, а не краткость.

НЕВИЛЛ. *(со вздохом)* «Мы, фюрер и канцлер Германии и премьер-министр Великобритании, договорились...»

АННА. О чем?

НЕВИЛЛ. Что старое забыто?

АННА. Ты опять?

НЕВИЛЛ. «... договорились о первостепенной важности мира».

АННА. *(не дождавшись продолжения)* Не слишком сухо?

НЕВИЛЛ. Хочешь что-то добавить?

АННА. Может, «о первостепенной важности мира в Европе».

НЕВИЛЛ. А Япония? И весь Дальний Восток?

АННА. Но мы в Европе. И Гитлер не отвечает за Японию.

НЕВИЛЛ. Может, «...о первостепенной важности мира для нашего времени»?

АННА. Мир для нашего времени... Да. Хорошо. И сразу запоминается. Мир для нашего времени. И слышен твой, личный, голос.

НЕВИЛЛ. Голос Дизраэли, девятнадцатый век. А он ссылался на старинный гимн — аж седьмого века. Хотя там «мир в наше время». Но «для нашего времени» звучит лучше, да?

АННА. Отлично звучит. Но все же надо начать с Европы. Чего больше всего боятся британцы?

НЕВИЛЛ. Войны. Войны с Германией.

АННА. Вот и напишем: «мы, фюрер... и т.д.... договорились, что... англо-германские отношения имеют первостепенное значение для наших двух стран и, следовательно, для Европы». *(заметив, что НЕВИЛЛ недовольтно хмурится)* Нет?

НЕВИЛЛ. Расплывчато.

АННА. Но это выделяет ключевых игроков. И надо связать этот документ с тем соглашением, которое вы подпишете сегодня. Допустим... «мы рассматриваем

Мюнхенское соглашение... как свидетельство желания наших двух стран сохранить мир».

НЕВИЛЛ. Может, «символ желания»? «Символ» вместо «свидетельства».

АННА. Отлично! Записываю.

НЕВИЛЛ. И не стран, а народов. Надо подчеркнуть волю народа.

АННА. Отлично. «...символ желания двух наших народов сохранить мир».
Диктуй дальше.

НЕВИЛЛ. Ну... «сохранить мир и больше никогда не воевать».

АННА. Никогда?

НЕВИЛЛ. Никогда.

АННА. Никогда?!

НЕВИЛЛ. Никогда. Пусть будет смелое заявление. Без лазеек. Без возможности выкрутиться.

АННА. То есть... нам вообще нельзя воевать? Не только с Германией?

НЕВИЛЛ. Да, это слишком. Напиши: «...желание наших двух народов никогда больше не воевать друг с другом».

АННА. Гораздо лучше.

НЕВИЛЛ. Теперь надо вырулить на «мир для нашего времени».

АННА. Да-да, заключительный абзац.

НЕВИЛЛ. И надо упомянуть, что это соглашение — результат отдельной встречи, которая состоялась по моей инициативе.

АННА. Непременно. Пусть британцы знают, что мир достигнут твоими усилиями.

НЕВИЛЛ. Тогда что добавить? «Это соглашение стало результатом отдельной встречи между мной и фюрером»?

АННА. *(глядя в текст)* Поставим в начало документа? «По инициативе премьер-министра Великобритании Невилла Чемберлена мы, фюрер и канцлер... бла-бла-бла... провели сегодня, 30 сентября, двухстороннюю встречу и договорились... бла-бла-бла...»

НЕВИЛЛ. Отлично. Остался заключительный абзац.

АННА. Добавим конкретики... чего мы хотим от Гитлера?

НЕВИЛЛ. Гарантий мира.

АННА. И заверения, что в случае непредвиденных обстоятельств будем искать решение через переговоры, не применяя оружие.

НЕВИЛЛ. Мы не слишком много просим?

АННА. В пределах разумного. Это не ультиматум. Это джентльменское соглашение между двумя главами государств.

НЕВИЛЛ. Проблема одна: Гитлер не джентльмен.

АННА. Это его проблема. А мы твердо намерены решать спорные вопросы через переговоры...

НЕВИЛЛ. Переговоры?

АННА. Что не так?

НЕВИЛЛ. Переговоры... стол... делегации друг против друга. В этом чудится конфронтация...

АННА. Как насчёт... «путём обсуждений»?

НЕВИЛЛ. «Путем консультаций».

АННА. Превосходно! Ты мой дипломат! «Консультации станут методом решения любых вопросов, которые касаются взаимоотношений наших двух стран...»

НЕВИЛЛ. Чудесно. А где про мир?

АННА. «... и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных разногласий и таким образом способствовать обеспечению мира в Европе». Всё.

НЕВИЛЛ. А «мир для нашего времени»?

АННА. Вообще-то... Давай оставим эту фразу как... девиз. Отдельно. Чтобы люди запомнили. Чтобы рассказали внукам.

НЕВИЛЛ. И куда деть этот девиз?

АННА. Ты выходишь из самолёта, размахиваешь соглашением и объявляешь собравшейся толпе: «Мир для нашего времени!» Гром аплодисментов.

НЕВИЛЛ. Размахиваю? Вот этой бумажкой? Так? *(берёт лист бумаги и довольно вяло, нерешительно машет им в воздухе)*

АННА. Это не флаг капитуляции, Невилл! Это символ победы над нацизмом.
(хватает его за запястье и решительно, драматично размахивает бумагой)

НЕВИЛЛ. Не слишком... театрально?

АННА. Люди верят тому, что у них перед носом. Нужно размахивать документом. (заметив, что НЕВИЛЛ помрачнел и снова принялся зачёсывать волосы набок) На твои волосы никто и внимания не обратит.

НЕВИЛЛ. Допустим, размахиваю. Что видят люди?

АННА. Символ мира в руках хорошего человека. Честного. Доброго.

НЕВИЛЛ. Но не лидера. Не вождя... У меня этого нет...

АННА. Чего нет?

НЕВИЛЛ. Как это называют итальянцы? Харизма?

АННА. В мужчинах ценятся качества поважнее.

НЕВИЛЛ. Возможно. 364 дня в году. Но не сегодня. Сегодня важна харизма. И её у меня нет.

АННА. Мой любимый Невилл. Единственное, чего у тебя нет в данный момент, — это брюк. (протягивая их) Надень уже. А то простудишься — и поминай как звали.

НЕВИЛЛ. (надевая брюки) Странное выражение — «поминай как звали». То есть, человек умрёт — и все его забудут, даже имени не останется?

АННА. У тебя носки разного цвета.

НЕВИЛЛ. Что?

АННА. Твои носки. Разного цвета.

НЕВИЛЛ. (поднимая штанины) Разве?

АННА. Смотри — один синий, другой чёрный.

НЕВИЛЛ. Ерунда. (начинает обуваться)

АННА. Ты же не пойдёшь в разных носках?!

НЕВИЛЛ. Да кто заметит?

АННА. Зато у Гитлера носки одного цвета — спорим?

НЕВИЛЛ. Что там за шум? Слышишь?

АННА. *(подходит к «окну» и отодвигает штору)* Иди, сам посмотри.

НЕВИЛЛ. *(вздыхает, встаёт и подходит к «окну»)* Господи! Мне это совсем не нравится. Позвони портье, пусть полицию вызовут. *(надевает жилет и пиджак, пока она звонит по телефону)*

АННА. *(по телефону)* Алло? Да, это миссис Чемберлен... Нет-нет — миссис. Миссис Чемберлен... Фрау... Фрау Чемберлен... Да... Да... Да, селёдка вкуснейшая, спасибо... Послушайте, вы в курсе, что на улице большая толпа?.. Прошу прощения?.. Еще раз, помедленнее... Правда?.. Вы уверены?.. Большое спасибо... Спасибо. Спасибо. *(вешает трубку, выглядя слегка ошеломлённой)*

НЕВИЛЛ. Ну?

АННА. Похоже, жители Мюнхена... узнали, что мы здесь остановились. Говорят, собралось тысяч двадцать.

НЕВИЛЛ. И что делать? Полиция уже едет?

АННА. Портье считает, что полиция не нужна. Люди пришли тебя благодарить.

НЕВИЛЛ. *(потрясённо)* За что?

АННА. За мир. За обещание мира. За предотвращение новой мировой войны... Похоже, ты для немцев — национальный герой.

НЕВИЛЛ. Невероятно... Как ты сказала? Национальный герой?

АННА. *(кивает, сияя)* Да! Национальный герой.

НЕВИЛЛ. Пожалуй, стоит всё-таки сменить носки.

АННА. Забудь о носках, дорогой. Выйди на балкон. Народ хочет тебя видеть.

НЕВИЛЛ. А носки?..

АННА. *(подталкивая его)* Судьба, как автобус, Невилл. Ждать не будет.

НЕВИЛЛ одергивает на себе пиджак, приглаживает волосы.

АННА поправляет ему галстук и целует в щёку.

НЕВИЛЛ делает шаг к балкону.

АННА. Невилл... Возьми. *(протягивает ему зонт)* Дождь может пойти в любую минуту.

НЕВИЛЛ улыбается, берет зонт,
но тут же возвращает его АННЕ и выходит на «балкон».
Слышен оглушительный рёв толпы.
Яркий солнечный свет, со всех сторон вспышки фотоаппаратов.
Победное звучание «Немецкого реквиема» Брамса
(заключительная часть второй части).
НЕВИЛЛ простирает руки к толпе.
Рёв усиливается.

Лондон. Самолет только что приземлился.
АННА протягивает НЕВИЛЛУ лист бумаги, НЕВИЛЛ поднимает его вверх.
Это соглашение, подписанное им с Гитлером.
НЕВИЛЛ размахивает документом. Толпа сходит с ума.
Музыка нарастает.

НЕВИЛЛ. (читает) «Мы, фюрер и канцлер Германии и премьер-министр Великобритании, продолжили сегодня нашу беседу и единодушно пришли к убеждению, что вопрос германо-английских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы. Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение как символ желания наших народов никогда более не воевать друг с другом. Мы полны решимости рассматривать и любые другие вопросы, касающиеся обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было разногласия, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

НЕВИЛЛ поднимает лист над головой, он развевается на ветру.
Зловещая барабанная дробь медленно нарастает на фоне музыки,
достигает пика, затем стихает.
Аплодисменты, музыка и свет усиливаются,
медленно сходят на нет,
последней стихает барабанная дробь.

Конец первого акта.

АКТ ВТОРОЙ

Темнота.

*Звучит «Немецкий реквием» Брамса,
начало второй части, мощное крещендо.*

*Внезапно музыку заглушает сирена воздушной тревоги.
Через некоторое время слышен гул тяжёлых бомбардировщиков.*

*Затем треск зенитных орудий.
Наконец раздаётся грохот бомбовых взрывов.*

*Возникает тусклый свет свечи.
В комнате не менее двадцати больших мешков с почтой,
многие из которых открыты, а письма разбросаны по полу.*

*Измождённый НЕВИЛЛ в ночной рубашке, шатаясь, поднимается с кровати
и направляется к тяжелым шторам, закрывающим всю заднюю стену.*

*Он растерян, раскоординирован.
Хватается за шторы, отодвигает их в сторону.*

*За окном открывается весь ужас Лондонского Блица —
бомбардировок города, которые длились 57 ночей подряд.*

*Хрупкая, слегка нелепая фигура НЕВИЛЛА
вырисовывается силуэтом на фоне этого зрелища.
Он с ужасом и изумлением смотрит на происходящее.*

НЕВИЛЛ. Боже-боже...

Вбегает АННА, в халате, с фонарём в руке.

АННА. Невилл! Отойди от окна! Ты же слово дал, что не будешь трогать
маскировку! *(оттаскивает его в сторону и задёргивает шторы)*

НЕВИЛЛ. У тебя есть ручка? Моя куда-то делась.

АННА. Невилл, два часа ночи!

НЕВИЛЛ. А как же письма?

АННА. *(подталкивая его к кровати)* Подождут до утра.

НЕВИЛЛ. А если я не успею? Тут солдатские матери... *(наугад берёт один конверт, начинает его вскрывать)*

АННА. *(забирает конверт)* Дорогой, сейчас не время. Почему ты без халата? *(оглядываясь)* Где твой халат?

НЕВИЛЛ. В подвале забыл. Ничего страшного — у меня есть зонт. *(раскрывает зонт над головой)*

АННА. Невилл, пожалуйста, тебе нельзя тут оставаться. *(забирает зонт, закрывает)*

НЕВИЛЛ. А вдруг пойдёт дождь? Я ненавижу дождь.

АННА. Пойдём в подвал. Быстрее.

НЕВИЛЛ. Подвалы для трусов. Я не трус.

АННА. Никто так не считает.

НЕВИЛЛ. *(перебивая)* Кроме Черчилля...

АННА. Он ничего такого не говорил.

НЕВИЛЛ. *(продолжает)* ...и почти всех британцев.

АННА. Невилл, нет сил спорить. Пожалуйста, пойдём.

НЕВИЛЛ. Анна. Я готов закончить жизнь, отвечая на письма.

Внезапная четкость этой формулировки поражает АННУ в самое сердце.

АННА. Невилл, не надо ничего доказывать. Ты не трус.

НЕВИЛЛ. Да. Я буду отвечать на письма. И не позволю *(кивает на окно)* этой ерунде мне мешать.

АННА. За все годы, что мы вместе, ты испугался только один раз.

НЕВИЛЛ. Один. Но роковой.

АННА. Я не про Гитлера.

НЕВИЛЛ. А про кого?

АННА. *(улыбаясь)* Про дождь. Про нежный дождик с небес. *(проводит рукой по его волосам, гладит лицо)* Ну почему он так тебя пугает? Это страх промокнуть? Страх быть застигнутым врасплох?

НЕВИЛЛ. Просто мне не нравится, когда волосы курчавятся, вот и всё.

АННА. *(улыбается, целует его, берёт ручку с письменного стола)* Держи.

НЕВИЛЛ. Поможешь?

АННА. Да, конечно. *(берёт конверт из открытого мешка, протягивает)*

НЕВИЛЛ. Погоди. Мы дошли до мешка номер 18. Их нельзя путать. 18... 18... *(ищет)*... А... Вот он... *(перебирая конверты)* № 38-18-7... *(вытаскивает письмо)*

АННА. Я готова.

НЕВИЛЛ. *(читает)* Миссис Дейзи Чармерс... Восточный Лондон...

АННА. Так... Дальше?

НЕВИЛЛ. *(расхаживая по комнате, читает письмо и диктует ответ)* «Дорогая миссис Чармерс, благодарю вас за то, что потрудились мне написать. Ваши добрые мысли и ваша поддержка пути, который мы выбрали, очень обнадеживают. Могу только повторить, что безопасность и благополучие ваших сыновей – главное в моей работе, сейчас и всегда...»

*Внезапный взрыв, намного ближе прежних.
Звон разбитого стекла где-то рядом.
НЕВИЛЛ поднимает голову.*

АННА. *(повторяет, записывает)* «...главное в моей работе, сейчас и всегда...»
Продолжай.

НЕВИЛЛ. Тебе лучше спуститься в подвал.

АННА. Я останусь здесь. С тобой. *(видя, что он морщится от боли)* Ты в порядке? Нужно ещё морфия? Прошло всего два часа с последнего раза.

НЕВИЛЛ. Лучше виски.

АННА. *(со слезами)* Всё не так... неправильно... Тебе совсем немного лет...

НЕВИЛЛ. *(выбирая другое письмо)* № 38-18-14. Миссис Миртл Уотфорд. Черинг-Кросс...

АННА. Проклятая война.

НЕВИЛЛ. «Дорогая миссис Уотфорд, благодарю вас за вашу доброжелательную поддержку в эти тёмные времена. Если когда-то и были...» Почему не пишешь?

АННА. Ты заслуживаешь лучшего.

НЕВИЛЛ. Мир уничтожает сам себя. С какой стати щадить меня?

АННА. Потому что ты хороший человек. Таких, как ты, очень мало.

НЕВИЛЛ. *(чуть улыбнувшись)* Разве это теперь важно?

АННА. Теперь — даже больше, чем когда-либо.

НЕВИЛЛ. *(после паузы)* Анна. Я умру.

АННА. Мы все умрём.

НЕВИЛЛ. Я умру скоро. Очень скоро.

АННА. Никто точно не знает.

НЕВИЛЛ. *(после паузы)* Говорят, что, когда смерть приходит, страха нет. Только... облегчение. *(АННА протягивает ему руки, он их сжимает)* Но это не так... Я вот смотрю в лицо смерти и чувствую... Как в Мюнхене тем утром. Страх. Даже ужас.

АННА. Боже. Невилл... *(прижимает его голову к своей груди)* Не бойся. Я здесь, рядом. Каждую минуту.

НЕВИЛЛ. Я боюсь за тебя. И за детей.

АННА. Не бойся.

НЕВИЛЛ. *(после паузы)* А если он победит?

АННА. Не позволим.

НЕВИЛЛ. *(улыбается и гладит её по щеке)* Когда это говорит Уинстон, звучит как бравада. Но когда говоришь ты, я поневоле верю. *(слышны близкие взрывы)* Тебе лучше вернуться в подвал.

АННА. Без тебя?

НЕВИЛЛ. *(твёрдо)* Анна, прошу тебя. Сделай, как я говорю... Ради семьи. Мне самому терять нечего... кроме клейма трусости.

АННА. Перестань это повторять, ну пожалуйста!

Новый взрыв.

НЕВИЛЛ. Иди в подвал. Быстрее.

АННА. Я поставлю тебе музыку, хочешь?

НЕВИЛЛ. А миссис Уотфорд? Надо дописать письмо.

АННА. Мы не забудем. *(перебирает пластинки)*

НЕВИЛЛ. Пожалуй, поставь Брамса...

АННА. Тебе не надоела эта ужасная музыка? Поставлю лучше... вот это. Для настроения. *(ставит пластинку, укрывает НЕВИЛЛА одеялом)* Постарайся уснуть. Скоро всё закончится. Я буду забегать, проверять тебя. *(целует его в лоб, идет к двери)*

НЕВИЛЛ. Анни... *(она оборачивается)* Спасибо.

АННА печально улыбается, выходит.

НЕВИЛЛ лежит, слушая песню «You're The Top» Коула Портера.

Песня звучит по-английски, но краткий смысл таков:

*Бэби – ты мой Колизей,
Ты – лучший в мире музей,
Ты – симфония Штрауса,
Ты – хвост Микки-Мауса,
Ты – башня в Пизе,
Ты – Мона-Лиза,
Ты – вершина, ты – топ!
После нас – хоть потоп!*

Слышен ГОЛОС.

ГОЛОС. Лучше не скажешь.

НЕВИЛЛ. *(вглядываясь во тьму)* Кто здесь?

ГОЛОС. И мелодия веселенькая.

НЕВИЛЛ. *(встревоженно)* Кто вы? Покажитесь.

ГОЛОС. А ведь мы могли этого избежать.

Кресло, стоящее задом к зрителю, медленно поворачивается.

В кресле – ГИТЛЕР в военной форме.

*Не следует стремиться к внешней достоверности,
а скорее к сущности Гитлера.*

Сходство с ХОСКИНСОМ, если это один актер, можно не скрывать.

НЕВИЛЛ. *(вздвогнув)* Боже...

ГИТЛЕР. Мы могли поделить мир. Только ты и я... Без макаронников и лягушатников. Только мы двое. Цивилизованные нации.

НЕВИЛЛ. Как вы сюда попали?!

ГИТЛЕР. На автобусе. Автобус как судьба — кто не успел, тот опоздал. *(широким жестом раздвигает шторы, открывая ночное небо в сполохах Блица)* Великолепно, правда? Зацени зрелище!

НЕВИЛЛ. Вы мне лгали. *(шатаясь подходит, хватается за штору, резко дёргает)* С начала до конца.

ГИТЛЕР. Ты лгал сам себе. *(начинает рассматривать письма)*

НЕВИЛЛ. Уходите. *(пауза)* Убирайтесь! Вы меня слышите?

ГИТЛЕР. *(читает)* «Миссис Айрис Лэнгли. Ливерпуль... Дорогой господин премьер-министр! Спасибо! Спасибо!! Спасибо!!!» Три восклицательных знака! Боже мой! Что ты ей — ребенка заделал?

НЕВИЛЛ. *(выхватывая письмо)* Это моя личная почта!

ГИТЛЕР. Я знал одну Айрис. В Ливерпуле, кстати. Ты хоть в курсе, что я там жил?

НЕВИЛЛ. *(вытирая письмо)* У вас руки грязные.

ГИТЛЕР. *(зажигает спичку о стол, закуривает сигару)* Как раз перед той, первой войной. Интересно, жива ли. Может, это та самая Айрис? Я к ней присох в натуре. И к Ливерпулю. Велю парням не бомбить Верхнюю Стэнхоуп-стрит, 102. Квартира наверху. Когда вся эта хрень закончится, народ туда валом повалит. *(стряхивает пепел в открытый мешок с письмами)*

НЕВИЛЛ. *(в панике бросаясь вперёд)* Что вы делаете?!

ГИТЛЕР. Сигару курю. Для голоса.

НЕВИЛЛ. *(сдувает пепел с конвертов)* Эти письма ещё не прочитаны!

ГИТЛЕР. У тебя что? Секретарши нет? Сам на письма отвечаешь? *(берёт другое письмо)* «Эмма Уолстонкрафт. Бристоль. Дорогой господин премьер-министр, вы святой. Бог послал нам вас в час нужды, вы спасли нас от ужасов новой войны...» *(ехидно)* Ага, спас, оно и видно. *(кивает на окно, сминает письмо, отбрасывает)*

НЕВИЛЛ. *(подбирая и расправляя письмо)* Вы с ума сошли? Эти письма я получил после нашей встречи в Мюнхене. Сорок тысяч писем за неделю. От матерей. Они благодарили меня за то, что я спас их сыновей.

ГИТЛЕР. Сорок тысяч? Я столько за день получаю. Бабы умоляют, чтобы я их трахнул. Хотят от меня сыновей родить. *(стряхивает пепел на письма)*

НЕВИЛЛ. Я хочу, чтобы вы ушли! *(кричит, но голос слаб)* Анна!.. Анна!!!

ГИТЛЕР. Разочаровал ты меня, Невилл. Тогда, в Мюнхене, мне показалось, что ты способен достичь величия. Если будет шанс. Но ты слабак, ты ждал шанса. А я свой шанс сам взял. Чувешь разницу?

НЕВИЛЛ. Вы не видите? Я умираю...

ГИТЛЕР. *(отворачиваясь)* Невилл — ты здоров, как бык. Зато империя твоя скоро сдохнет.

НЕВИЛЛ. Чего вы от меня хотите?

ГИТЛЕР. Мужества! *(подходит ближе)* Притязаний! Торга! *(наклоняется, брызжет слюной в лицо НЕВИЛЛУ)* Я хочу, чтобы ты вёл со мной переговоры. Настоящие переговоры. Не уступал, не соглашался, не умиротворял.

НЕВИЛЛ. Мне нечего вам сказать.

ГИТЛЕР. *(расхаживая взад-вперед)* Буду честен. Мне жаль, что подвел тебя с Мюнхеном. Поэтому даю тебе ещё один шанс.

НЕВИЛЛ. *(вопреки себе проявляет интерес)* Для чего?

ГИТЛЕР. *(помогая ему встать)* Искупить свою ошибку. Вернуть Британской империи былую славу.

НЕВИЛЛ. Слава империи никуда не делась.

ГИТЛЕР. *(заговорщицки)* Ну, прикинь. Черчилль, этот пройдоха, тебя обскакал. Будь он у руля во время Мюнхена, втянул бы Британию в войну в тот же день. Без авиации. Без зениток. И я разгромил бы вас за неделю. А ты выиграл в Мюнхене год отсрочки. Вы успели наладить выпуск самолетов, артиллерии. Слава должна принадлежать тебе.

НЕВИЛЛ. Идет война. Кто думает о славе?

ГИТЛЕР. Победитель.

НЕВИЛЛ. А кто вернет матерям погибших сыновей?

ГИТЛЕР. *(в самое ухо НЕВИЛЛУ)* Неужели ты не хочешь с ним по квитаться?

НЕВИЛЛ. С кем?

ГИТЛЕР. С этим фанфароном! Каждый вечер изображает героя! Ведет нацию в бой по радио!

НЕВИЛЛ. Я не держу зла на Уинстона. Он всегда был ко мне очень добр.

ГИТЛЕР. Добр? Обзывает тебя вьючной лошадью!

НЕВИЛЛ. Он признаёт, что я умею трудиться.

ГИТЛЕР. Тогда почему не трудолюбивая пчела? Почему вьючная лошадь? Он над тобой с кнутом стоит?

НЕВИЛЛ. Вьючная лошадь — это символ войны.

ГИТЛЕР. Ты знаешь больше Черчилля. И он это понимает. Ты знаешь, как управлять империей. Как управлять миром.

НЕВИЛЛ. *(качая головой)* Нет. Я знаю, как мир устроен, но как им управлять, знает именно Уинстон. Это разные и не очень связанные вещи.

ГИТЛЕР. *(внезапно)* Невилл, ты оратор? Ты способен покорять толпу? Ловить их души, вырывать их сердца? Проникать в их глубочайшие страхи? В их мрачайшие кошмары? Протягивать им луч света? Играть на их слабостях? Превращать их ужас в надежды. Взвинчивать их до иступления! Чтобы кровь гудела в ушах! Чтобы огонь бежал по венам! Чтобы они стали единой нацией! Чтобы трепетали перед фюрером!!!

(другим голосом) Чтобы просыпались наутро — по колено в битом стекле... Ты способен на это, Невилл? Скажи!

НЕВИЛЛ. Я... слабоватый оратор, если честно. Голос подводит.

ГИТЛЕР. С голосом порядок. Всё, что нужно — немного виски и сигара.

НЕВИЛЛ. Я не любитель сигар.

ГИТЛЕР. Уинстон тоже курит через силу. Да и я. Но мы готовы на жертвы.

НЕВИЛЛ. (качая головой) Я никогда не смогу звучать, как он.

ГИТЛЕР. Любой может. Вот — наслаждайся! (несколько раз глубоко затягивается сигарой, затем изображает голос и манеры Черчилля) «Мы будем сражаться до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на пляжах, на полях и на улицах, мы будем сражаться в горах; мы никогда не сдадимся...» (своим голосом) Умора!

НЕВИЛЛ. Что смешного?

ГИТЛЕР. Потому что мы всё это уже слышали. Практически слово в слово. Угадай, кто сказал? (произносит в своем, воодушевляющем, гитлеровском стиле) «Если враг попытается вторгнуться в эту страну, мы будем сражаться с ним в воздухе и на море; мы будем сражаться с ним на пляжах всеми видами оружия. Если он где-то прорвётся, мы будем сражаться с ним на каждой дороге, в каждой деревне и в каждом доме, пока он или мы не будем полностью уничтожены!..» Ну, кто это сказал? Муссолини? Сталин? Хирохито? (видя, что НЕВИЛЛ щурится, пытается вспомнить) Представь! Это ты! Твоя речь! Написанная и произнесённая за месяц до Черчилля.

НЕВИЛЛ. Нет-нет-нет — вы всё перепутали. Речь Уинстона была первой, раньше моей... Только произнес ее не Уинстон, а медведь. С опилками в голове.

ГИТЛЕР. Вот это новость! Какой такой медведь?

НЕВИЛЛ. Винни-Пух!

ГИТЛЕР. Кто?

НЕВИЛЛ. Пух. Медвежонок Винни-Пух.

ГИТЛЕР. Что это за... Пух? Это кодовое название Военного министерства?

НЕВИЛЛ. Это герой книжки, плюшевая игрушка.

ГИТЛЕР. А почему он говорил за Черчилля?

НЕВИЛЛ. Уинстон в тот день был слишком пьян. Или слишком подавлен. Ну, не впервые. Поэтому пригласили актера, Нормана Шелли, голос Винни-Пуха на Би-би-си.

ГИТЛЕР. Но почему британцы приняли версию с... как его?.. ну, с медведем ближе к сердцу, чем твою?

НЕВИЛЛ. Все любят хороший театр.

ГИТЛЕР. *(обнимая НЕВИЛЛА за плечи)* Послушай, Невилл. Мы с тобой тыщу лет знакомы. У нас общая история. Мы понимаем друг друга...

НЕВИЛЛ. *(высвобождаясь)* Зачем вы пришли?

ГИТЛЕР. Верховному командованию Германии стало ясно, что вас, британцев, не победить без значительных жертв с нашей стороны. Мне-то немецкой крови не жаль, но лучше заключить сделку.

НЕВИЛЛ. Какую?

ГИТЛЕР. Я ведь отлично понимаю ход истории. Понимаю, кто задаёт тон, кто платит цену. А цена всегда есть.

НЕВИЛЛ. Вы упомянули сделку.

ГИТЛЕР. Упомянул. И ты услышал. Приятно, что мы так хорошо понимаем друг друга. Видишь ли, я отлично знаю, кто заплатил цену за Мюнхен. *(пауза)* Когда я подписал твою бумагу про «мир для нашего времени», я не лукавил. *(видя, что НЕВИЛЛ отворачивается, качая головой)* Не веришь?

НЕВИЛЛ. Я вам даже тогда не верил.

ГИТЛЕР. *(удивлённо)* Неужто?

НЕВИЛЛ. По-вашему, я — безнадежный глупец?

ГИТЛЕР. Твоя бумага совпадала с моими намерениями! До последнего слова! *(декламируя)* «Мы, фюрер и канцлер Германии и премьер-министр Великобритании, продолжили сегодня нашу беседу и единодушно пришли к убеждению, что вопрос германо-английских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы». *(в сторону)* Супер-актуальный текст! *(декламируя)* «Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение как символ желания наших народов никогда более не вести войну друг против друга». *(в сторону)* Мы и не собирались воевать. Это Британия объявила нам войну.

НЕВИЛЛ. Вы вторглись в Польшу. Вы знали, что у нас с ней договор.

ГИТЛЕР. Я что — должен был предвидеть, что ты его выполнишь? Я, по-твоему, ясновидящий? Прежде Британию не волновали немецкие территориальные приобретения.

НЕВИЛЛ. *(тратит пару мгновений, чтобы осознать мысль ГИТЛЕРА)* Значит... вы считали, что подписываете джентльменское соглашение?

ГИТЛЕР. Именно.

НЕВИЛЛ. По разделу мира между двумя державами?

ГИТЛЕР. Bravo! Видишь, я знал, что ты — мой человек. Ты прагматик, а Уинстон... Уинстон — неисправимый милитарист. Ты гораздо лучше понимаешь, с какой стороны хлеб намазан маслом. Мне очень нравятся ваши английские выражения. Такие... народные.

НЕВИЛЛ. *(продолжая рассуждать)* Значит, вы считали это соглашение развязывает вам руки?

ГИТЛЕР. Ну же, Невилл — политика никогда не бывает чёрно-белой. В конце концов, мы оба взрослые люди. Мы оба это подписали, оба! *(декламируя)* «Мы полны решимости рассматривать и любые другие вопросы, касающиеся обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе»... Невилл, друг! Так бы все и было! Но Британия зачем-то распереживалась из-за Польши.

НЕВИЛЛ. Невероятно! Вы действительно верили, что можно вторгнуться в Польшу безнаказанно? Вы — лжец!

АННА. *(за сценой)* Дорогой, ты в порядке? *(входит, ГИТЛЕРА не видит до самого конца)* Я просто... Невилл, почему ты не в постели?

НЕВИЛЛ. Да, лжец! Я просто называю лопату лопатой.

ГИТЛЕР. *(записывает)* «Называть лопату лопатой». Люблю английский язык!

АННА. *(усаживая НЕВИЛЛА на кровать)* Ты должен лежать, иначе обезболивающее не подействует. И, не дай бог, снова упадёшь!

ГИТЛЕР. *(передразнивая её тон)* Да, Невилл, — нельзя падать в глазах общества!

НЕВИЛЛ. Не хочу лежать. Я должен встретиться с ним... лоб в лоб!

АННА. С кем? С Богом?

ГИТЛЕР. *(щёлкавая каблуками, кланяясь)* К вашим услугам.

НЕВИЛЛ. С Гитлером!

АННА. Он уже которую ночь бомбит мирных жителей. Ни стыда, ни совести!

НЕВИЛЛ. Когда у него были стыд и совесть?

АННА. И то верно, никогда. *(поправляет сбившееся постельное бельё)*

ГИТЛЕР. Это ты лжец! Я подписал с тобой джентльменское соглашение!

Пауза.

НЕВИЛЛ. Анни.

АННА. Да, дорогой.

НЕВИЛЛ. Что ты думаешь о моём голосе?

АННА. О чём?

НЕВИЛЛ. Ну, какой у меня голос?

АННА. *(пожимая плечами)* Нормальный голос. Хороший.

НЕВИЛЛ. Но слишком тонкий? Высокий, да?

ГИТЛЕР. Сигара, виски — и все дела!

АННА. Опять сравниваешь себя с Уинстоном? Зачем?

НЕВИЛЛ. Может, надо было сигары курить?

АННА. Я ненавижу голос Уинстона. Хрипит, как старый запойный пьяница. Плетёт свои байки всем, кто готов слушать. Одна бравада и трескотня...

ГИТЛЕР. Восхищаюсь её задором. Ведь знает, что поставила не на ту лошадку.

НЕВИЛЛ. А людям нравится...

АННА. Невилл, послушай. Ты сейчас не очень ясно мыслишь, так действует морфин. Пойдем в подвал?

ГИТЛЕР. Ты не видел мою табакерку?

НЕВИЛЛ. Что?

АННА. Ты спустишься со мной в подвал или нет?

ГИТЛЕР. Ты не видел мою табакерку?

НЕВИЛЛ. Нет!

АННА. Хорошо, оставайся. Но ты упрямый, упрямый человек, Невилл Чемберлен.

ГИТЛЕР. А в Мюнхене был сговорчивый!

АННА. Я пойду вниз. Позвони, если я понадобится. *(поправляет его одеяло, целует в лоб и уходит)*

ГИТЛЕР. *(после паузы)* Где ты её прятал?

НЕВИЛЛ. Вы о чём?

ГИТЛЕР. Настоящая тигрица!

НЕВИЛЛ. Анна?

ГИТЛЕР. Земная женщина. Сочная. Прямо Брунгильда из Вагнера.

НЕВИЛЛ. Вы не в ее вкусе.

ГИТЛЕР. *(прихорашиваясь)* Проверим? Передо мной не устоит ни одна женщина.

НЕВИЛЛ. *(внезапно)* Почему я?

ГИТЛЕР. Почему ты — что?

НЕВИЛЛ. Вы упомянули сделку. Если у вас есть конкретные предложения, почему вы пришли ко мне? Обратитесь напрямую к человеку, у которого есть полномочия.

ГИТЛЕР. И что, по-твоему, скажет Черчилль?

НЕВИЛЛ. У него и спросите.

ГИТЛЕР. Уинстон скоро потеряет власть, это лишь вопрос времени. Британцы устали от войны. Они хотят мира. Стабильности. Порядка. Мы — и под «мы» я подразумеваю Британию и Рейх — можем договориться, если твой народ вспомнит, что есть ты — человек, который уже был премьер-министром, и этот человек умеет добиться мира.

НЕВИЛЛ. И какова цена такого мира?

ГИТЛЕР. *(хмыкнув)* Все деньги с кошельком.

НЕВИЛЛ. *(задумчиво)* Мир — это всё, чего я хотел, чего я хочу... Такая, в сущности, простая вещь.

ГИТЛЕР. *(пожимая плечами)* Вся Европа одержима этим твоим миром. Не понимаю! Жизнь полна конфликтов, борьбы. От рождения до смерти. Майн кампф. А мир — только под могильным камнем.

НЕВИЛЛ. Что насчёт евреев?

ГИТЛЕР. А что насчёт евреев?

НЕВИЛЛ. Как Великобритания может заключить мир со страной, которая поставила себе цель уничтожить целый народ?

ГИТЛЕР. Будь это любой другой народ, я бы это обсуждал. Но евреи? *(с лёгким смехом)* Брось, Невилл — никто не станет переживать из-за жидов. Будем честны: евреев никто особо не любит. Даже сами евреи.

НЕВИЛЛ. Тут мы не сговоримся.

ГИТЛЕР. Да забирай их себе! С потрохами! Мы их с радостью сплавим в Англию.

НЕВИЛЛ. Мы не сможем принять такое количество людей.

ГИТЛЕР. Видишь? У тебя та же проблема: слишком много евреев.

НЕВИЛЛ. Почему бы вам просто не оставить их в покое?

ГИТЛЕР. Евреев — в покое? Оставь в покое любой другой народ, они, ну — самое худшее — нагадят в лесу или изобретут пенис на ножках. Но оставь в покое евреев, и что? Выдумают психоанализ. Теорию относительности. Коммунизм! Кто знает, за что они примутся в следующий раз?! Оставить их в покое, говоришь? Ну нет!

НЕВИЛЛ. Чего именно вы боитесь?

ГИТЛЕР. Ненужных идей. Планета ломится от идей, которые только мешают прогрессу.

НЕВИЛЛ. Поиск истины — полезное, доброе дело.

ГИТЛЕР. Никто не любит истину. Не любит боль. Не любит уродство. Поэтому люди всегда голосуют за человека, который говорит им то, что они жаждут услышать. За твоего медвежонка с опилками в голове.

НЕВИЛЛ. Так вот, оказывается, чего вы боитесь? Истины?

ГИТЛЕР. Я ничего не боюсь.

НЕВИЛЛ. Помилуйте, господин Гитлер. Человек, который убил столько людей, наверняка чего-то боится, причем очень сильно.

ГИТЛЕР. Ничего я не боюсь.

НЕВИЛЛ. А по-честному? (*заметив, что ГИТЛЕР отвел взгляд*) Ну, признайтесь!

ГИТЛЕР. (*раздражённо*) Хорошо — если тебе так нужно знать... (*озирается*)
Только между нами, да?

НЕВИЛЛ. Даю слово.

ГИТЛЕР. (*заговорщицки*) Облысеть.

НЕВИЛЛ. Что?

ГИТЛЕР. Облысеть.

НЕВИЛЛ. Вы боитесь облысения?

ГИТЛЕР. Для немцев я фюрер. Вождь. Адольф Гитлер — это образ! Горящий взор.
Усы. Волосы. Если я что-то утрачу... (*видя усмешку НЕВИЛЛА*) Тебя забавляет мой страх?

НЕВИЛЛ. Нисколько. У всех свои слабости.

ГИТЛЕР. Вернемся к нашему делу. Как думаешь, почему я позволил Британскому
корпусу уйти из Дюнкерка почти без потерь?

НЕВИЛЛ. Что значит «позволил»?

ГИТЛЕР. То и значит. Мог всех твоих солдатиков, как клопов, передавить.

НЕВИЛЛ. Почему вы этого не сделали?

ГИТЛЕР. Потому что мне нужна сильная Британия. Британия, способная помочь
Германии нести бремя мирового господства.

НЕВИЛЛ. (*упрямо*) Да, мы сильны. И мы отстоим Британию.

ГИТЛЕР. (*отсмеявшись*) Твои города в огне. Твои люди прячутся в подвалах, роют
норы в земле. Мои подлодки перерезали вам всё снабжение. А Европа уже моя. И
Северная Африка моя. Твои заморские земли развалит Япония. Сталин в войну не
полезет, у нас с ним пакт. Американцы и пальцем ради тебя не шевельнут. Ну и сколько
ты так продержишься?

НЕВИЛЛ. Сколько потребуется.

ГИТЛЕР. Отдай мне Палестину, и мы подпишем договор сегодня вечером.

НЕВИЛЛ. Палестину? Зачем вам Палестина?

ГИТЛЕР. Хочу.

НЕВИЛЛ. У меня нет полномочий.

ГИТЛЕР. Единственный человек, стоящий на пути к миру, — Черчилль. И британцы его скоро в клочья разорвут.

НЕВИЛЛ. Вы заблуждаетесь. Уинстон уже обсуждал перемирие с Кабинетом министров.

ГИТЛЕР. Wunderbar!

НЕВИЛЛ. Но я на этом заседании голосовал против.

ГИТЛЕР. *(ошеломлённо)* Ты!? Тоже мне, вояка. Все равно ты трус, который позволил Гитлеру захватить весь мир. Тем и войдешь в историю.

НЕВИЛЛ. Увы, эту страницу уже не вычеркнуть...

ГИТЛЕР. Невилл, давай по-честному. Ты ведь обижен на историю. Она поступила с тобой несправедливо, верно? Двадцать лет ты всё делал правильно. Осмотрительно. Прислушивался к добрым советам. Поднимался все выше и выше. Звёзд с неба не хватал, всё своим горбом заработал. Ты был лучшим канцлером казначейства, ты провёл страну через самые тёмные годы Великой депрессии. Не поддался еврейскому лобби. Преобразовал систему здравоохранения. Обеспечил полтора года мира и успел перевооружить Британию. А потом — бац! И тебя уже поносят как труса, предателя и врага свободы... Во всей Англии — ни одного памятника. Ни один богач не завещал тебе свое состояние. Политики шарахаются от тебя как от огня. А кого же британцы выбрали себе в идолы? Уинстона Черчилля! Медведя с опилками в голове. Он же лодырь. Гордец. Пьяница. Краснобай. Шарлатан. Авантюрист и империалист самого худшего пошиба... И горе-вояка! По какому праву он сбросил тебя с пьедестала современной истории? *(шёпотом в самое ухо НЕВИЛЛУ)* Я даю тебе шанс всё исправить.

НЕВИЛЛ. С пьедестала истории меня сбросили вы. Вы! Своей вопиющей ложью.

ГИТЛЕР. Ясно. Ты мне не доверяешь. Послушай, Невилл, ты когда-нибудь читал «Майн кампф»?

НЕВИЛЛ. Разве кто-то читал?

ГИТЛЕР. В каждом доме великого Рейха есть экземпляр «Майн кампф».

НЕВИЛЛ. Под ножки столов подкладывают, чтобы не шатались.

ГИТЛЕР. Невилл, юмор я ценю, но не зарывайся. Ты танцуешь?

НЕВИЛЛ. Танцуешь?

ГИТЛЕР. *(ставит пластинку: «Испания» Шабрие)* Танго, фокстрот, ча-ча-ча?

*ГИТЛЕР хватает НЕВИЛЛА за запястье и резко поднимает на ноги.
Они оказываются грудь к груди в начальной позе для танца.
Затем ГИТЛЕР заставляет НЕВИЛЛА танцевать энергичное фламенко,
таская его по «танцполу» как куклу.*

ГИТЛЕР. (во время танца) Какой-то ты деревянный. Или заржавел? Я, понятное дело, лучше танцую, я уроки брал. В Испании. Три года подряд. (после пируэта они снова оказываются грудь к груди) Всё это, кстати, есть в «Майн кампф». Для всех желающих... Я заранее поведал миру о своих намерениях. Теперь воплощаю. Так с какой стати все эти полуграмотные остолопы блеют, что я кого-то обманул? Они просто читать не умеют.

*ГИТЛЕР отправляет НЕВИЛЛА в пируэт,
из которого тот не может выйти и обессиленно падает на кровать.*

ГИТЛЕР. С координацией у тебя неважно, Невилл. Теряешь равновесие... Ладно, в следующий раз получится лучше.

НЕВИЛЛ. (задыхаясь) Я... мне нечем дышать...

ГИТЛЕР. Отлично. (достаёт из кармана отпечатанный документ, читает)
«Мы, фюрер и канцлер Германии и премьер-министр Великобритании, бла-бла-бла... как символ желания наших народов никогда более не воевать друг с другом. Во исполнение этого желания мы договорились, что Великобритания уступит Германии все интересы в Палестине и на Ближнем Востоке. Взамен Германия гарантирует суверенитет Британских островов. Мы полны решимости бла-бла-бла... содействовать обеспечению мира в Европе» (протягивает ручку и документ) Мир для нашего времени. Я уже подписал.

НЕВИЛЛ. (задыхаясь, потя) Мне плохо.

ГИТЛЕР. Подпиши, и с твоей души спадёт тяжеленный камень. Тут же полегчает. (вкладывает ручку и бумагу в руки НЕВИЛЛА, ставит перо в нужное место и говорит в самое ухо НЕВИЛЛА) Подпиши.

*Рука НЕВИЛЛА дрожит, он вглядывается в документ.
Звук «Испании» нарастает.*

Внезапно раздаётся оглушительный взрыв — бомба.

Звон разбитого стекла, дождь осколков, обломков...

НЕВИЛЛА отбрасывает на кровать.

Медленно оседает пыль.

Музыка смолкает.

ГИТЛЕР. *(смотрит в потолок)* Молодцы ребята! Метко работают! *(НЕВИЛЛУ)* Не волнуйся — со мной ты в безопасности. *(рывком возвращает НЕВИЛЛА в сидячее положение и снова дает ему документ и ручку)* Поставь уже подпись. Вот тут. Невилл Чемберлен. Делов-то.

НЕВИЛЛ. *(дрожа, слабым голосом)* Откуда мне знать, что вы на этот раз сдержите слово?

ГИТЛЕР. Завтра проснешься, а мы уже отвели войска от берегов Ла-Манша. Ой, прости, у вас это Английский канал. Можешь отправить инспекторов, пусть проверяют. Когда ты убедишься, что я свою часть сделки выполнил, отдашь приказ о передаче Палестины. *(НЕВИЛЛ смотрит на документ)* Ты снова станешь героем. Британия тебя не забудет.

НЕВИЛЛ. Нет. Нет, я не могу. Не могу!

ГИТЛЕР. *(протягивая ручку)* Ну же, Невилл. Смотри, какая красивая ручка. «Монблан»! С 14 июня — гордость германского машиностроения. Ну, гора-то теперь немецкая, так что, видимо, и ручка тоже... Слушай, а порепетируй на книге. Вот тут распишись. *(достает тонкий томик)* Напиши «Дорогому Адольфу». И дальше — своими словами. Не слишком цветисто, но от сердца. Зафиксируй нашу близость для истории.

НЕВИЛЛ. *(вглядываясь в томик)* Что за книга?

ГИТЛЕР. Ну-у, Невилл, не знал за тобой ложной скромности! Ты же знаешь! Чертовы писаки состряпали о тебе памфлет. Называется «Виновники».

НЕВИЛЛ. *(отбрасывая книгу)* Коммунистическая пропаганда. Полная чушь.

ГИТЛЕР. То есть ты ни в чем не виноват?

Вбегает встревоженная АННА.

АННА. Невилл? Так громыхнуло! Слава богу, ты жив! *(бросается к нему, обнимает)* Не ранен? *(осматривает его на предмет травм)*

НЕВИЛЛ. *(дрожа)* Нет. Я... я в полном порядке.

АННА. Ты весь в поту.

НЕВИЛЛ. Я... танцевал.

АННА. Танцевал?!

ГИТЛЕР. Как корова на льду.

НЕВИЛЛ. Я старался!

ГИТЛЕР. Да, ты старательный. Жаль, таких не ценят.

АННА. Милый, ты же обещал не вставать! На полу осколки, а ты босиком!

ГИТЛЕР. *(задумчиво)* Интересно, мои парни помнят Хрустальную ночь? В аккурат два года прошло. Вся Германия — в битом стекле...

АННА. Почему ты вздумал танцевать?

ГИТЛЕР. Эх, хорошие были времена.

НЕВИЛЛ. У меня не было выбора. Меня заставили.

ГИТЛЕР. Не мог же я без партнера!

АННА. Пойдем в подвал.

НЕВИЛЛ. Нет!

АННА. *(почти в слезах)* Почему нет? Там меньше риска!

НЕВИЛЛ. Я хочу умереть здесь. В своей постели.

АННА. Тогда я остаюсь.

НЕВИЛЛ. Ни в коем случае. Уходи немедленно! Слышишь? Немедленно!!!

АННА. *(с глубоким вздохом)* Не волнуйся, бога ради! Хорошо, уйду. Вот приберу тут немного. *(выходит)*

ГИТЛЕР. Хозяюшка она у тебя. Повезло.

НЕВИЛЛ. А я ее мучаю. Мне так стыдно...

ГИТЛЕР. Так закончи жизнь героем! Дай ей повод тобой гордиться.

НЕВИЛЛ. Отстаньте от меня. Я не готов распоряжаться судьбами народов!

АННА. *(возвращаясь с веником и совком)* Тебе и не нужно. Теперь это работа Уинстона. *(начинает подметать)*

ГИТЛЕР. Трус он и есть трус.

НЕВИЛЛ. Прочь!!!

АННА. Невилл, милый, я просто убираю стекло.

ГИТЛЕР. Слабак ты, а не премьер-министр! Премьер берет судьбы миллионов в свои руки. *(поднимает руку, медленно сжимает пальцы в кулак)* Вот так!

НЕВИЛЛ. *(с ноткой сожаления)* Я больше не премьер.

АННА. *(продолжая подметать)* И слава богу.

ГИТЛЕР. Значит, ты не тот, за кого я тебя принимал.

НЕВИЛЛ. Возможно.

АННА. Быть премьер-министром во время войны... отправлять юных людей на смерть. Ужасно. *(подходит к НЕВИЛЛУ)* У тебя простыни сбились, я поправлю. *(поднимает его, помогает встать, он дрожит)* Боже, ты замёрз. *(снимает с себя халат, накидывает ему на плечи)* Внизу, в подвале, гораздо теплее. Народу много — надышали. *(откидывает его волосы и целует в висок)*

АННА наклоняется, поправляет простыни.

ГИТЛЕР плотоядно наблюдает за ритмичным покачиванием её груди и бёдер под тонкой ночной рубашкой.

ГИТЛЕР. Великолепная женщина! Валькирия! *(обходит АННУ сзади)*

НЕВИЛЛ. Что вам от нас нужно?

АННА. Постой еще пару секунд.

ГИТЛЕР. *(восхищенно)* Как движутся эти бёдра! Ритм! Игра мышц! А как грудь колышется. С такой женщиной можно заселить целый континент. *(кладёт руку ей на ягодицу и начинает массировать, нежно и с восхищением)* Будет рожать и рожать...

НЕВИЛЛ. Руки прочь!

АННА. Тебе больно?

НЕВИЛЛ. Скажи ему, чтобы убрал руки!

АННА. Сейчас-сейчас, дорогой. Ты сможешь лечь и отдохнуть.

ГИТЛЕР. А ведь она не против. Рука мужчины на заднице. Сильная рука. Бабам нравится. Инстинкт!

НЕВИЛЛ замахивается на ГИТЛЕРА, промахивается и почти падает.

АННА. Невилл, осторожнее. Стой спокойно, я сейчас закончу.

ГИТЛЕР. Слушай, Невилл. Давай поговорим о действительно важных вещах. *(кладёт вторую руку на другую ягодицу АННЫ, не обращая внимания на НЕВИЛЛА, который лишь беспомощно размахивает руками)* Забудь Палестину... Отдай мне Анну. Я хочу эту женщину. Хочу ее иметь. Да. Хочу делать с твоей женой всё... Всеми мыслимыми способами. Сегодня вечером. И завтра с утра. И следующей ночью. И после — каждую ночь. Я хочу войти в неё, как вошёл в Париж. *(лапает АННУ по всему телу)*

НЕВИЛЛ. *(угрожающе)* Отпустите её.

ГИТЛЕР. *(задирая АННЕ ночную рубашку)* С триумфом.

НЕВИЛЛ. Отпусти!

ГИТЛЕР. *(входя в АННУ сзади)* Триумф! *(издаёт оргазмический крик)*

НЕВИЛЛ. Ты свинья! Ты отвратительная нацистская свинья! *(бросается на ГИТЛЕРА с кулаками, но промахивается и бьет АННУ, та падает на кровать)* Боже! Анни? Анни, прости!

ГИТЛЕР. Невилл! Как ты мог? Ударил беззащитную женщину! В момент оргазма! Слабак и трус. *(отталкивает НЕВИЛЛА, чтобы прийти на помощь АННЕ)*

НЕВИЛЛ. Подонок! Не тронь её! *(бросается на ГИТЛЕРА, хватая его за руку)*

ГИТЛЕР. *(вырывается)* Жалкий червь.

НЕВИЛЛ снова нападает, на этот раз хватая ГИТЛЕРА за волосы.

ГИТЛЕР. Ааа!

НЕВИЛЛ. Грязный ублюдок! *(тянет изо всех сил)*

*НЕВИЛЛ и ГИТЛЕР замирают.
В руках у НЕВИЛЛА — парик ГИТЛЕРА.
ГИТЛЕР лыс.*

НЕВИЛЛ. Боже...

ГИТЛЕР. *(сдержанно)* Отдай. И — никому ни слова.

НЕВИЛЛ. *(ошеломлённо)* Господи...

ГИТЛЕР. Отдай! *(бросается за париком)*

*Между НЕВИЛЛОМ и ГИТЛЕРОМ завязывается жестокая борьба —
с кряхтением, ругательствами и попытками выцарапать глаза.
Наконец, собрав все силы, НЕВИЛЛ наносит точный удар ногой в пах ГИТЛЕРУ.
ГИТЛЕР отшатывается, хватается за промежность.
НЕВИЛЛ стоит над ГИТЛЕРОМ.*

ГИТЛЕР. Сволочь!!

НЕВИЛЛ. *(задыхаясь, тяжело дыша)* Я давно хотел это сделать. И не я один. Вся Европа!

ГИТЛЕР снова пытается схватить парик. НЕВИЛЛ уворачивается.

ГИТЛЕР. Ладно. Воздем тебе все равно не быть. Дарю!

*НЕВИЛЛ рассматривает парик и, с некоторой опаской, надевает.
Затем поправляет его перед «зеркалом», любясь собой.*

НЕВИЛЛ. Как получается, что он у вас не курчавится от дождя?

ГИТЛЕР. У меня есть запасной.

НЕВИЛЛ. *(подражая голосу ГИТЛЕРА)* Я часто представлял, каково быть таким... быть вами. Властный лидер. Решительный. Бесстрашный. Жестокий вождь. Когда-то я к этому стремился... Да — много раз. Вдруг именно такой человек и нужен Британии? Чтоб стоял на капитанском мостике. Вел за собой. Направлял. Вдохновлял. Чтобы наполнял мужеством сердца соотечественников. Объединял нацию. Чтобы сделал Британию самой великой и могучей. Это могла быть моя Британия! Страна славы, страна героизма, недоступного простым смертным! Моя страна. Мой народ. Моя Британия!!!

ГИТЛЕР. *(выхватывает у НЕВИЛЛА парик)* Пустые мечты.

АННА издаёт стон.

НЕВИЛЛ. Боже, Анни! Анни? Что с тобой? Анни?! *(бросается к ней)*

ГИТЛЕР натягивает парик и фанатично поправляет его перед «зеркалом».

АННА. Невилл? Что случилось? Бомба? В нас попали?

НЕВИЛЛ. *(помогая ей встать)* Боже, Анни, прости. Я так виноват. Но я не мог сдержаться!.. Почему ты его не остановила?

АННА. Кого?

НЕВИЛЛ. Ты могла хотя бы попытаться. При первом же намёке! Ты могла что-то сказать! Дать ему понять, что его прикосновения отвратительны! Сказать! Дать пощёчину! Что угодно! Но ты этого не сделала. Ты позволила ему тебя лапать. Как будто это совершенно нормально... приемлемо! Чего ты ждала? Что он остановится? Сам? *(пучит глаза, слюна брызжет изо рта)* Этот человек... Он способен на любое зло! У него нет совести. И тормозов. Ты, ты сама должна его остановить! При первом намёке. При первом слове. При первом... *(внезапно осознавая смысл сказанного)* ...при первом жесте.

АННА. *(убитая горем, со слезами на щеках, пытается обнять НЕВИЛЛА)*
Невилл. Это я, Анни. Твоя Анни. Пожалуйста! Я хочу тебя обнять... Что? Почему нет?

НЕВИЛЛ. *(отворачиваясь)* Слишком поздно.

ГИТЛЕР. Конечно поздно! Она ощутила мою мужскую силу на деле, внутри себя. И к тебе никогда не вернется. Осталась простая формальность: поставь подпись. Анна будет моей. Британия — твоей. По рукам?

НЕВИЛЛ. Нет. Нет! Нет!!! Я не отдам мою жену!

АННА. Дорогой. Я здесь. Я никуда не уйду.

ГИТЛЕР. Одна жизнь в обмен на свободу целой нации! Шанс исправить все несправедливости прошлого.

НЕВИЛЛ. Прочь! Оставь меня! Убирайся!!

АННА. *(пытится назад, плача)* Господи...

НЕВИЛЛ. Вон!!!

АННА. Невилл, родной мой. Это всё лекарства. Наверно, передозировка. Я вызову врача. *(выбегает)*

ГИТЛЕР. *(после паузы)* Ну что ж ты? Такая женщина! А ты ей в морду.

НЕВИЛЛ. *(опустошённо)* Я велел вам убираться прочь.

ГИТЛЕР. Ладно, дарю тебе последнюю вишенку! Нет, все-таки восхитительный у вас язык! Не унылый немецкий последний шанс, а последняя вишенка! И эта вишенка не потребует никаких случайных жертв. Ни одной. *(достаёт револьвер)*

НЕВИЛЛ. Вы пришли меня убить? Убивайте! И убивайтесь.

ГИТЛЕР. Не интересуешься огнестрельным оружием? Всецело поддерживаю. Я и сам не любитель. *(лаская револьвер)* Забавно, знаешь — за все годы борьбы, битв, потрясений... я ни разу не убил человека. Ни разу. Мои руки чисты. *(пауза)* А ты? Проливал кровь? Да куда тебе? Зато хотел, признайся?.. Хотел, наверняка! Ты хотел убить кого-то, кто превратил твою жизнь в ад. Отца. Учителя. Одноклассника. Соперника. Точно! Уинстона Черчилля! А еще -- меня! Отличная идея, зацени! Бывший премьер-министр расстреливает рейхсфюрера. *(наклоняясь над НЕВИЛЛОМ)* Ну как — сможешь? *(протягивает револьвер, на этот раз рукояткой вперёд)* Кроме шуток. Просто возьми пистолет и нажми вот тут. *(заметив, что НЕВИЛЛ не порывается взять револьвер)* Хорошо, сделаем проще. *(кладывает револьвер в руку НЕВИЛЛА)* Нажать сможешь? Просто нажать. Одно нажатие. Одна человеческая жизнь. Моя. Кто, по-твоему, стоит между тобой и миром для нашего времени? Только я. Убери фюрера — и не будет Рейха. Положи конец этому кошмару, тьме Европы. И никто никогда не усомнится в твоём мужестве. Я знаю — ты сможешь. Если вправду ненавидишь. И если оказался в нужном месте в нужное время. Ты оказался здесь. Сейчас.

*НЕВИЛЛ наставляет револьвер на голову ГИТЛЕРА.
Его палец на спусковом крючке. НЕВИЛЛИ и ГИТЛЕР смотрят друг на друга.
Рука НЕВИЛЛА начинает дрожать.*

ГИТЛЕР. Ну?!..

Рука НЕВИЛЛА ходит ходуном.

ГИТЛЕР. Слабо, да?

*Оглушительный выстрел.
Пауза.
ГИТЛЕР ощупывает себя на предмет ранения и понимает, что цел.*

ГИТЛЕР. Ты прям молодец. Праведник. Жаль, что промазал.

НЕВИЛЛ в ужасе опускает руку, пялится на револьвер.

ГИТЛЕР. А ведь у тебя была возможность убить Адольфа Гитлера! Что люди-то скажут? Мазила! Руки-крюки! Короче — всё испортил. *(отбирает у НЕВИЛЛА револьвер)*

НЕВИЛЛ. *(с внезапной яростью)* Отойди! Отойди, слышишь!? *(вскакивает, хватая зонт и наставляет его на ГИТЛЕРА)* Изыди!!!

ГИТЛЕР. *(наступает)* Или что?

*НЕВИЛЛ бросается вперёд, как фехтовальщик,
с внушительным хлопком раскрывает зонт.
Пауза.*

ГИТЛЕР. Не удалась атака?

НЕВИЛЛ. *(из-за зонта)* Я тебя не боюсь!

ГИТЛЕР. Еще как боишься! *(хватает зонт и отбрасывает его в сторону)*
Поэтому ты сейчас сделаешь то, что я прикажу.

НЕВИЛЛ. *(падает обратно на кровать, совершенно изможденный)* Я стар. Я болен. Я больше не могу... Оставьте меня. Пожалуйста.

ГИТЛЕР. Невилл, ты, похоже, не понимаешь, что поставлено на карту. В твоих руках судьба Европы. Судьба мира! Сейчас это не коллективная ответственность, а твоя. Твоя личная.

*НЕВИЛЛ смотрит на него, дрожа всем телом.
ГИТЛЕР качает головой.*

ГИТЛЕР. Хорошо. Вот моё последнее предложение. Самое последнее. *(достает из кармана новый документ, откашливается, читает)* «Мы, фюрер и канцлер Германии и премьер-министр Великобритании, бла-бла-бла... как символ желания наших народов никогда более не воевать друг с другом. Во исполнение этого желания я, Невилл Чемберлен, премьер-министр Великобритании, настоящим отдаю свою жизнь в обмен на мир для нашего времени...» Что скажешь? *(видя, что НЕВИЛЛ не вполне понимает прочитанное)* Ну же, Невилл?! Отличное предложение! Отдай жизнь за Европу. И ни капли крови на твоих руках. Во всяком случае, чужой крови. Я знаю, для тебя это важно.

НЕВИЛЛ. *(после паузы)* Я... Я не уверен. Где Анни? Мне нужно поговорить с Анни.

ГИТЛЕР. Смотри — я подписываю. *(подписывает)* Вот. Ставь свою подпись. Вот здесь. *(кладёт документ перед НЕВИЛЛОМ и вкладывает ему в руку ручку)*

НЕВИЛЛ. Откуда мне знать, что вы сдержите слово?

ГИТЛЕР. Опять двадцать пять! Будь уже мужчиной. Подпиши. *(пауза)* Подпиши! *(пауза)* Подпиши!!!

*Почти в слезах, дрожащей рукой, НЕВИЛЛ подписывает.
ГИТЛЕР выхватывает документ.*

ГИТЛЕР. Отлично! Подписано, скреплено печатью и доставлено. Теперь тебе и вправду есть, чем похвастаться. Перед женой, например! Мир для нашего времени! *(поднимает документ вверх, размахивает им, копируя знаменитый жест НЕВИЛЛА)* Кстати, зря ты той бумажонкой размахивал. Клочок обещанного мира. Жалкий. Нелепый. Изодранный. Унесенный ветрами истории. Надо было сразу подписывать — вот это. *(сворачивает документ в тугую трубку и пронзает им воздух)* Символ силы, решимости! Путь к славе Империи! *(засовывает документ в карман ночной рубашки НЕВИЛЛА, заменяет ручку в руке НЕВИЛЛА на револьвер)* А теперь... Время сдержать слово. Стреляй.

*Уже не вполне осознавая, что делает,
НЕВИЛЛ дрожащей рукой направляет дуло револьвера на ГИТЛЕРА.*

ГИТЛЕР. Не в меня, идиот. В себя. *(разворачивает руку НЕВИЛЛА так, чтобы дуло было направлено в висок НЕВИЛЛА)* Чуть левее. Так. Ну, давай. Думай об Англии и нажимай... Давай... *(видя, что НЕВИЛЛ может промахнуться, ГИТЛЕР перемещает дуло револьвера в рот НЕВИЛЛУ)* Вот так мы делаем это в Рейхе. Wunderbar. Давай.

*ГИТЛЕР ждёт, нетерпеливо поглядывая на часы.
НЕВИЛЛ, дрожит, пускает слюни на ствол револьвера.*

ГИТЛЕР. Невилл, пистолет нельзя сосать. Он не выстрелит. *(вынимает дуло, вытирает его носовым платком и вставляет обратно)* Вот. вперед.

НЕВИЛЛ изо всех сил пытается сделать то, о чем его просят.

ГИТЛЕР. Невилл, Не теряй времени. Там, на фронте, твои люди умирают. *(пауза)*
Невилл!!

*НЕВИЛЛ нажимает на спусковой крючок.
Раздаётся щелчок, но выстрела нет.*

ГИТЛЕР. Осечка?!

НЕВИЛЛ. Простите...

ГИТЛЕР. Болван! Ты хоть что-то можешь сделать в этой жизни!?

ГИТЛЕР бросается вперёд, вырывает револьвер из руки НЕВИЛЛА, отбрасывает в сторону, хватает НЕВИЛЛА за горло обеими руками и начинает душить.

НЕВИЛЛ слабо сопротивляется, но не может справиться с ГИТЛЕРОМ. Входит АННА с подушкой и напитком. Она очень взволнована.

АННА. Невилл? Невилл, это я. Ты в порядке? Невилл?... Прости, что так долго. Я наконец дозвонилась до врача. Он придёт, как только дадут отбой. Принесла тебе горячий шоколад — из настоящего шоколада. И ещё подушку. Давай голову приподнимем. *(пока ГИТЛЕР продолжает душить его, она приподнимает голову НЕВИЛЛА и кладёт под неё подушку)* Бедный мой. Ты, должно быть, устал... Вот. Дышать будет чуть легче. *(начинает прибираться в комнате)* Говорят, снова бомбили Ливерпуль. Разбомбили церковь. Одна из моих тёток там венчалась. Как грустно... Ненавижу этих нацистов.

ГИТЛЕР. *(по-прежнему душит НЕВИЛЛА)* Просто делают свою работу.

АННА. Интересно, о чём они думают, когда бомбят такую красивую старинную церковь.

ГИТЛЕР. Они думают: уффф, отбомбились, теперь летим домой — баб трахать.

АННА. Неужели они правда думают, что им это сойдёт с рук? Бога не боятся!

ГИТЛЕР. А мы бомбим по ночам, чтобы Бог не заметил. *(опускает обмякшего НЕВИЛЛА на подушку; довольно потряхивает руки, вытирает их о пиджак, берёт горячий шоколад и отпивает глоток)*

АННА. Здесь ужасно холодно. Я вся дрожу. *(накидывает шаль)* А ты? Тебе тепло? Может, ещё одно одеяло? *(подходит ближе)* Невилл?

ГИТЛЕР. Не врёт! Настоящий шоколад.

АННА. Невилл? Ты спишь?... Невилл!!!

Затемнение.

Звучит «Немецкий реквием» Брамса, первая часть.

Переход к холодному утреннему свету, проходящему через витраж.

ГИТЛЕР исчез, как и звук бомбёжки.

АННА в трауре.

Музыка стихает.

АННА. Звонил Уинстон. Спрашивал, как я держусь... Газеты, конечно, только о тебе. Телефон не умолкает. Ну, это ненадолго. Военные новости все вытеснят... Газеты я решила не читать... на всякий случай... мало ли... А вот Уинстон очень хорошо о тебе сказал. Речь произнёс в память о тебе в Палате общин. Прислал мне текст. Сейчас прочитаю... (*читает*) «Во время величайшего мирового кризиса именно Невиллу Чемберлену выпала тяжелая доля: его решения были опровергнуты событиями, он разочаровался в своих надеждах и оказался обманут порочным, низким человеком. Однако, каковы были эти обманутые надежды? Чего — пусть тщетно — желал Чемберлен? Вера во что была попорана? То были одни из самых благородных стремлений человеческого сердца: любовь к миру, труд во имя мира, борьба за мир, поиск мира — невзирая на опасности и с риском потерять популярность избирателей. Мы можем быть уверены, что Невилл Чемберлен действовал совершенно искренне, в соответствии со своими убеждениями и старался использовать все возможности, чтобы уберечь мир от той ужасной опустошающей бойни, в которую мы теперь втянуты. Поэтому история вынесет приговор в его пользу» ...

Я буду скучать по тебе, Невилл. По твоей честности, твоей выдержке, твоей щедрости. По звуку твоего ключа в замке, твоим шагам в коридоре, твоему зонту у двери...

...Ты был прав, конечно: сухой зонт еще никому не помешал. Ты всегда боялся попасть под дождь, под ливень. А жаль. Ведь было бы здорово!

Я буду скучать по твоему голосу, по теплу твоих рук. И по твоим волосам. Ты бесконечно зачесывал их перед зеркалом в ванной... А мне они нравились всякими. Пусть вьются — не беда!.. Но больше всего я буду скучать по твоей простой, обыкновенной порядочности. Я прожила жизнь с порядочным человеком.

Музыка снова нарастает, затем затихает.

Свет постепенно гаснет.

Последний луч падает на зонт.

КОНЕЦ